

ИСТОРИЯ РОССИИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ

СОЧИНЕНИЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга шестая.

Томъ XXVI—XXIX.

второе издание.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Высочайшѣ утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза»,
Большая Подъяческая, № 39.

Типографія Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза»
Большая Подъяческая, № 39.

ОГЛАВЛЕНИЕ ШЕСТОЙ КНИГИ.

Томъ двадцать шестой.

Глава I. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. 1764 годъ.. 1—2

Заботы Сената о памятникѣ императрицы, 1.—Заговоръ Мирорвича, 1.—Штабзка Екатерины въ Прибалтийской области, 4.—Шлюссельбургское происшествіе, 5.—Судъ надъ Мирорвичемъ и казнь его, 5.—Князь Вяземскій назначенъ исправлять должность генераль-прокурора, 12.—Наставлениѳ ему, написанное императрицею, 12.—Споръ въ Сенатѣ по поводу генераль-рекетмайстерской должности, 14.—Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ, 15.—Финансовая распоряженія, 15.—Первый русскій корабль на Средиземномъ морѣ, 20.—Заботы о торговлѣ, 20.—Креѣстные люди у купцовъ, 21.—Бѣглы, 21.—Половники, 22.—Неудачный ходъ ревизіи, 23.—Наставлениѳ губернаторамъ, 23.—Пенсіи, 25.—Окончаніе комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ, 25.—Раскольники, 27.—Записка Теплова о безпорядкахъ въ Малороссіи, 30.—Окончательное уничтоженіе гетманства, 33.—Румянцевъ—предсѣдатель Малороссийской Коллегіи, 34.—Наставлениѳ ему императрицы, 35.—Преобразованіе Новой Сербіи, 37.—Слободско-украинская губернія, 39.—Состояніе Восточной Украины, 39.—Дѣло о Камчатской экспедиціи, 41.—Дѣла Польскія, 43.—Насилія па сеймикахъ, 44.—Чарторыйскіе требуютъ вступленія русскаго войска въ Польшу, 44.—Конвокационный сеймъ, 47.—Начало преобразованій, 48.—Бѣгство Радзивила и Браницкаго отъ русскихъ войскъ, 49.—Избрание въ короля Станислава Понятовскаго, 50.—Новый король просить императрицу позволить преобразованія въ польской конституції, 56.—Екатерина не соглашается, 57.—Неудача диссидентскаго дѣла, 53.—Союзъ Россіи съ Пруссіею, 60.—Фридрихъ II винушаетъ, что нельзя позволять въ Польшѣ преобразованій, 63!—Неудовольствія у Россіи съ Австріею по поводу Польскихъ дѣлъ, 64.—Натянутыя отношенія между Россіею и Франціею, 67.—Старанія Русскаго Двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ Польскія дѣла, 70.—Вражда Крымскаго хана къ Россіи, 76.—Консулъ Никифоровъ въ Крыму, 77.—Перемѣна французской политики относительно Швеціи, 77.—Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею, 77.—Продолженіе дружбы у Россіи съ Даніею, 87.—Проектъ барона Корфа о «Сѣверномъ союзѣ», 87.—Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ, 88.

Глава II. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны. 1765 годъ.. 99—100

Випные откупа, 99.—Содержаніе войска, 101.—Недовольство императрицы флотомъ и работами въ Балтийскомъ портѣ, 102.—Ревельская гавань, 102.—Путешествіе Екатерины по Ладожскому каналу, 103.—Каналъ отъ Сяси до Воихова, 103.—Дѣятельность Сената по вопросу о малолѣтнихъ преступникахъ и укрывательствѣ злодѣевъ, 103.—Твердость императрицы въ ограниченіе пытокъ, 104.—Записка Екатерины по поводу дѣла Волынского, 105.—Новости въ Сенатѣ, 106.—Безпорядки въ коллегіяхъ, 106.—Печальное извѣстіе о русской торговлѣ въ Константинополѣ, 108.—Введеніе картофеля, 108.—Дѣятельность Новгородского губернатора Сиверса, 108.—Коммисія о государственномъ межеваніи, 112.—Вопросъ объ устройствѣ казармъ, 113.—События въ областномъ управлениі, 114.—Медленность ревизіи, 115.—Коммисія о заводскихъ крестьянахъ, 116.—Креѣстные люди у купцовъ, 116.—Почта, 118.—Отмѣна сборовъ за поставленіе духовныхъ лицъ, 119.—Определеніе платы за тревы, 120.—Расколъ, 120.—Дѣло Пыскорскаго архимандрита Іуста, 120.—Столкновеніе Воронежскаго епископа съ Донскими казаками, 121.—Дѣятельность Румянцева въ Малороссіи, 121.—Столкновеніе иностранныхъ колонистовъ съ прежними русскими поселенцами, 122.—Самозванцы, 124.—Общий взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ, 126.—Диссидентское дѣло и столкновеніе Польши съ Пруссіею, 131.—Сношенія Россіи съ другими европейскими государствами въ 1765 году, 147..

Глава III. Просвѣщеніе въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова. 1755—1765..... 163—164

Вліяніе французской литературы при Елизавѣтѣ и Екатеринѣ II, 163.—Умственное движение во Франціи въ описываемое время, 165.—Отношеніе Русскихъ людей къ западному просвѣщенію при Елизавѣтѣ, 179.—Сношенія Вольтера стъ Ив. Ив. Шуваловымъ при Елизавѣтѣ, 181.—Отношенія Екатерины II къ Вольтеру, Даламберу, Дидро, 183.—Переписка Екатерины стъ Жоффренъ, 187.—Воспитаніе великаго князя, 192.—Порошинъ, его «Записки», его судьба, 192.—Послѣдняя дѣятельность Ломоносова и Тредіаковскаго, 210.—Миллеръ, 237.—Шлецерь, 238.—Московскій универси-

теть, 248.—Казанская гимназия, 255.—Корпуса, 255.—Посылка воспитанников духовных училищ за границу, 257.—Частное воспитание, 258.—Напоминание Синода о рели-

гіозно-нравственномъ воспитаніи, 260.—Крестини, 260.—Новые воспитательные учреждения при Екатеринѣ II-й; Бедкий, 261.—Литература, 263.—Театръ, 271.—Искусство, 274.

Томъ двадцать седьмой.

Глава I. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны. 1766 и первая половина 1767 года..... 269—270

Мѣры противъ медленного исполненія указовъ, 281.—Безпорядки въ новой Коллегіи Экономіи, 281.—Медленное рѣшеніе дѣла въ Юстиціи—Коллегіи, 282.—Дѣло Жуковскихъ, Щудепниковой, Бестужева-Рюмина, кн. Григорія Шаховскаго, 283.—Губернаторская распоряженія, 287.—Волненіе въ Москвѣ, 289.—Губернаторъ и купцы въ Астрахани, 289.—Брянскіе купцы и генераль Медемъ, 290.—Окончаніе Дубровинскаго дѣла въ Орлѣ, 290.—Нравы на окраинахъ, 291.—Крестьянские побѣги и возмущенія, 291.—Бродяжничество и разбои, 293.—Похожденія Каменщикова, 295.—Сибирскіе инородцы, 298.—Сибирскій губернаторъ Чичеринъ и магистратъ, 299.—Присоединеніе Алеутскихъ острововъ, 300.—Церковный имѣнія въ Малороссіи, 301.—Выборъ Киевскаго войта, 301.—Споръ Запорожцевъ съ Военною Коллегіею, 302.—Слободская губернія, 305.—Сопротивление Лифляндскаго рыцарства въ доставленіи вѣдомостей о хлѣбномъ урожаѣ, 305.—Затрудненія по поводу нѣмецкихъ колонистовъ, 305.—Финансовая мѣры, 306.—Среднеазіатская тор-

говля, 308.—Содержаніе Московскаго университета, 308.—Окончаніе Наказа: мѣнія о немъ, собираемыя императрицею, 308.—Манифестъ о Комиссіи для сочиненія проекта новаго Уложенія, 310.—Перебѣзъ Двора въ Москву, 313.—Движеніе въ прибалтийскихъ областяхъ и Малороссіи по поводу выбора депутатовъ въ Комиссію, 314.—Путешествіе Екатерины, 326.—Отзыvъ ея въ Сенатъ объ этомъ путешествії, 331.—Продолженіе крестьянскихъ волненій, 331.—Секта между однодворцами, 334.—Перемѣны въ областяхъ, 335.—Дѣятельность Новгородскаго губернатора Сиверса, 337.—Приближеніе времени открытия Комиссіи, 337.—Обзоръ Наказа, 338.—Памѣнія въ немъ, 344.

Глава II. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. 1767—1768 гг.... 347—348
Комиссія объ Уложеніи, 347.

Глава III. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. 1766, 1767, 1768 гг..... 415—416

Борьба съ Польшой за диссидентовъ.—Разрывъ съ Турцией.—Сношенія съ Европейскими державами во время этихъ событий,—415.

Томъ двадцать восьмой.

Глава I. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны (конецъ 1768-го и 1769 годъ)..... 553—554

Привитіе осипы императрицы и наследнику престола; торжество по этому случаю, 553.—Извѣстіе о разрывѣ мира Турками; письма Екатерины по этому случаю къ Салтыкову и И. Г. Чернышеву, 556.—Учрежденіе Совета, 557.—Приготовленіе къ войнѣ, 559.—Назначеніе князя А. М. Голицына и гр. Румянцева главнокомандующими двухъ дѣйствующихъ армій, 560.—Предложеніе Орлова объ экспедиціи въ Средиземное море, 561.—Эмиссары къ христіанскому народонаселенію Балканскаго полуострова, 561.—Усиленный наборъ, 563.—Учрежденіе ассигнаціонаго банка, 563.—Учрежденіе ордена Св. Георгія, 565.—Нападеніе крымскихъ татаръ, 565.—Дѣйствія первой арміи, 565.—Отозваніе кн. Голицына и назначеніе на его мѣсто Румянцева, а главнокомандующими второю арміею гр. П. И. Панина, 568.—Занятие Хотина и Дунайскихъ княжествъ, 570.—Утвержденіе на берегахъ, Азовскаго моря, 571.—Строеніе кораблей тамъ 572.—Помощь Грузинскимъ владѣльцамъ, 573.—Дѣйствія на Кубани, 574.—Вѣсть о

движеніи магометанскаго народонаселенія въ Россіи и мѣры для его предупреждевія, 575.—Порты стараются склонить Запорожцевъ къ измѣнѣнію, 577.—Планъ отвлечения татаръ отъ Портъ, составленный въ Петербургѣ, 578.—Морская экспедиція къ берегамъ Греціи, 578.—Гр. Алексѣй Орлову поручено руководить восстаніемъ турецкихъ христіанъ, 582.—Воззвание къ имѣнію, 584.—Отношеніе къ Черной Горѣ, 585.—Степанъ Малый, 587.—Сношенія съ Венеціею, 592.—Пребываніе кн. Юрия Долгорукаго на Черной Горѣ, 593.—Сношеніе съ Паоли, 595.—Переписка Екатерины съ Бельке и Вольтеромъ по поводу войны, 596.—Отношенія къ Польшѣ; смѣна Репнина Волконскимъ, 597.—Продолженіе союза между Россіею и Пруссіею, 619.—Намѣреніе Австріи сблизиться съ Пруссіею, чтобы сдержать Россію, 621.—Свиданіе императора Йосифа съ Фридрихомъ II въ Нейссѣ, 623.—Отношеніе къ Франціи, Даніи, Швеціи и Англіи, 625.

Глава II. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II Алексѣевны, 1770 годъ... 637—638
Дѣйствія противъ Турокъ въ Дунайскихъ княжествахъ, 637.—Движеніе генерала Штрафельна, 633.—Жалоба Румянцева на недоста-

токъ войска; ободрительное письмо къ нему императрицы, 639.—Негодование Екатерины на генерала Штофельна за сожжение городовъ и деревень, 640.—Объяснение Румянцева относительно Штофельна; состояния Молдавии и Валахии и состояния русского войска, 640.—Движение Румянцева изъ Подоліи въ Дунайскія княжества, 644.—Чума, 644.—Смерть Штофельна, 644.—Записки гр. Григорія Орлова о движении къ Варнѣ и Константинополю, 645.—Осторожность Румянцева и переписка его съ императрицею, 645.—Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Калугѣ, 646.—Торжество въ Петербургѣ, 647.—Осада и взятие Бендерь гр. П. И. Панинимъ, 649.—Переговоры его съ татарами о восстановленіи ихъ независимости, 649.—Ногайская орды отказываются отъ турецкаго подданства, 653.—Состояние русского флота, прошедшаго въ Средиземное море, 655.—Неудача Морейской экспедиціи, 656.—Истребление турецкаго флота при Чесмѣ, 661.—Восторгъ Екатерины, 663.—Переписка Орлова съ европейскими консулами въ Смирнѣ, 664.—Дальнѣшія движения русского флота, 666.—Странности на Кавказѣ; Тотлебенъ и Чоглоковъ, 667.—Желаніе мира въ Петербургѣ, 670.—Политика Фридриха II, 671.—Вопросъ о раздѣлѣ Польши, 672.—Такъ называемый проектъ Линара, 672.—История вопроса о раздѣлѣ Польши, 674.—Іосифъ II, Кауница и Марія-Терезія, 678.—Второе свиданіе Фридриха II съ императоромъ Іосифомъ и Кауницемъ въ Нейштадтѣ, 681.—Политический катехизисъ, 683.—Захватъ Австріею Польскихъ земель, 683.—Планъ Іосифа относительно Россіи и Турціи, 684.—Письмо Фридриха Екатеринѣ съ предложеніемъ посредничества, 685.—Отстраненіе Россіею посредничества и принятие добрыхъ услугъ, 685.—Русскія условія мира, 686.—Пріѣздъ въ Петербургъ принца Генриха Пруссаго; впечатлѣніе, произведенное имъ здѣсь, 686.—Негодование Фридриха на отстраненіе Россіею посредничества, 689.—Разговоры принца Генриха съ Екатериной, Панинимъ и Сальдерномъ; переписка его съ братомъ, 690.—Письмо Екатерины къ Фридриху съ сообщеніемъ мирныхъ условій, 693.—Притворный ужасъ Пруссаго короля по прочтению этихъ условій, 694.—Вѣсти изъ Польши о планахъ раздѣла, 697.—Разговоръ принца Генриха съ императрицею и гр. Чернышевымъ объ австрійскомъ захватѣ, 698.—Письмо Генриха къ брату, что тотъ можетъ безопасно занять въ Польшѣ Вармійское епископство, 698.—Дѣла Польскія: помочь Франції конфедератамъ, 699.—Мінѣніе Дюмульре о послѣдніхъ, 699.—Станиславъ-Августъ поднимаетъ голову; его переписка съ Екатериной и разговоры съ кн. Волконскимъ, 701.—Стараніе Волконскаго о реконфедерациі; въ Петербургѣ не соглашаются на эту мѣру, 705.—Отношеніе Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи, 710.

Глава III. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны 1771 годъ. 725—726

Письмо Фридриха II-го къ императрицѣ Екатеринѣ по поводу мирныхъ условій съ Турціею, 725.—Замѣчанія Екатерины на это письмо, 727.—Планъ кампаніи 1771 года, 727.—Постройка судовъ въ Дунайскихъ княжествахъ, 728.—Жалобы Румянцева на неудовлетворительное состояніе арміи, 729.—Мелкая война на Дунаѣ, 730.—Князь В. М. Долгорукій начальникъ второй арміи, намѣсто

графа П. И. Панина, 734.—Сношенія съ Татарами, 735.—Необходимость военныхъ дѣйствий противъ Крыма, 736.—Занятіе полуострова русскими войсками, 737.—Бѣгство хана Селимъ-Гирея, 737.—Новый ханъ Сагибъ-Гирей, 739.—Извѣщеніе плѣнныхъ христіанъ, 740.—Переговоры съ ханомъ о независимости Крыма и обѣ уступки крѣпостей Россіи, 740.—Посольство въ Петербургѣ брата ханского, калги Шагинъ-Гирея, и поведеніе его здѣсь, 742.—Отношенія къ Ногаюмъ, Карадинамъ и Кумыкамъ, 744.—Окончаніе Кавказской экспедиціи, 746.—Гр. Алексѣй Орловъ въ Петербургѣ, 746.—Его возвраженія противъ пріобрѣтенія Россіею острова на Архипелагѣ, 748.—Противное мнѣніе адмирала Спирикова, 748.—Орловъ удаляетъ иностранцевъ изъ русской морской службы, 749.—Дѣйствія флота въ 1771 году, 749.—Отвѣтное письмо Екатерины Фридриху II-му относительно мирныхъ условій съ Портю, 750.—Виды Фридриха II-го на Польскую Пруссію, 752.—Роль принца Генриха въ раздѣлѣ Польши, 752.—Отѣздъ ирина Генриха изъ Петербурга, 754.—Наставленіе Фридриха II-го на раздѣлѣ Польши, 754.—Отношенія Россіи къ этому вопросу, 755.—Отношенія Австріи къ нему, 757.—Разговоръ Фридриха II съ австрійскимъ посломъ о раздѣлѣ Польши и мирѣ Россіи съ Портю, 758.—Сношенія Россіи съ Австріею по поводу Турецкаго мира, 761.—Дѣло о раздѣлѣ Польши въ Императорскомъ Совѣтѣ, 763.—Австрія отвергаетъ русскія мирные условія, 754.—Возраженія Екатерины на австрійскіе объясненія, 765.—Мінѣніе Напіана обѣ уступки Молдавии и Валахии, 767.—Императрица не соглашается съ этимъ мнѣніемъ, 768.—Тревожное состояніе императора Іосифа, 768.—Огношеніе Вѣнскаго Двора къ вопросу о раздѣлѣ Польши, 769.—Тугутовскій договоръ между Австріею и Турціею, 770.—Переговоры между Австріею и Пруссіею, 770.—Рѣшенія Совѣта вслѣдствіе враждебности Австріи, 773.—Фридрихъ II требуетъ, чтобы Россія отказалась отъ Молдавии и Валахии, и винчаетъ, что прусская доля изъ Польши должна быть увеличена, 774.—Постановка Пруссіемъ королемъ условій мира между Россіею и Турціею, 777.—Возобновленіе переговоровъ между Россіею и Австріею, 779.—Австрійскія условія мира между Россіею и Портю, 780.—Россія уступаетъ требованіямъ Фридриха II и отказывается отъ Дунайскіхъ княжествъ, 782.—Фридрихъ торопить раздѣломъ Польши, 786.—Смѣна русскаго посла въ Варшавѣ, кн. Волконскаго, Сальдерномъ, 788.—Дѣйствія послѣдняго, 789.—Отношеніе Россіи къ Швеціи, Даніи и Англіи, 812.

Глава IV. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны. 1772 годъ. 825 826

Тревога по поводу неблагопріятныхъ извѣстій изъ Вѣны, 825.—Мѣры на случай новой войны, 825.—Борьба мінѣй въ Вѣнѣ относительно пріобрѣтеній, 827.—Австрія рѣшается содѣйствовать началю мирныхъ переговоровъ между Россіею и Турціею, 830.—Назначеніе русскихъ уполномоченныхъ на Фокшанскій конгрессъ—гр. Григорій Орловъ и Обрѣзковъ, 832.—Инструкція имъ, 832.—Отзыѣ Екатерины обѣ Орловѣ, 833.—Донесеніе Обрѣзкова о ходѣ конгресса, 834.—Разрывъ Фокшанскаго конгресса, 834.—Новый конгрессъ въ Бухарестѣ, 835.—Несправедливая обвиненія Орлову,

836.—Состояніе первой арміи, 837.—Затрудненія въ Крыму, 838.—Отъѣздъ Шагинъ-Гирея изъ Петербурга, 841.—Мнѣніе Фридриха II о крымскихъ отношеніяхъ, 842.—Австрія изъявляетъ желаніе приобрѣсти турецкія области, 844.—Россія соглашается на это, 845.—Австрія перемѣняетъ намѣреніе, желая приобрѣсть и Польскія и Турецкія земли, 845.—Кауница отвергаетъ тройной союзъ между Россіею, Австріею и Пруссіею, 846.—Австрія требуетъ себѣ слишкомъ большой доли изъ Польскихъ владѣній, 852.—Движеніе, Фридриха II-го по этому поводу, 852.—Уложенія дѣла насчетъ австрійской доли, 853.—Положеніе дѣла въ Польшѣ, 860.—Послѣднее объясненіе Сальдерна съ польскими вельможами, 860.—Отзывы Сальдерна о Бибиковѣ, 863.—Перемѣна въ от-

ношеніяхъ между Сальдерномъ и Панинымъ, 863.—Преемникъ Сальдера въ Варшавѣ, баронъ Штакельбергъ, 865.—Инструкція ему, 865.—Объясненіе о раздѣлѣ, 867.—Объясненія Штакельберга съ королемъ 867.—Отношенія Россіи къ Франціи, 868.—Шуазель и Эгильонъ, 868.—Объясненія русского повѣреннаго въ дѣлахъ Хотинскаго съ послѣднимъ, 870.—Шведскій переговоръ, 877.—Мѣры Россіи по этому поводу, 882.—Отношенія Пруссіаго короля къ шведской революціи, 883.—Объясненіе Панина съ французскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, Дюраномъ, 888.—Датская революція и отношенія къ ней Русскаго Двора, 890.—Сношенія съ Англіею, 894.—Общий взглядъ на событія описанаго года, 897.

Томъ двадцать девятый.

Глава I. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны 905—906

Турція и Польскія дѣла въ 1773 и 1774 годахъ, 905.—Разрывъ Бухарестскаго конгресса, 905.—Переписка Румянцева съ Обрѣзовкъмъ, 908.—Переходъ русской арміи черезъ Дунай, 910.—Письмо Екатерины къ Больтеру по этому поводу, 912.—Возвращеніе русской арміи на лѣвый берегъ Дуная, 912.—Переписка фельдмаршала съ императрицей, 912.—Письмо Румянцева къ Григорію Орлову, 917.—Огорченіе императрицы, 917.—Рассужденія о войнѣ въ Императорскомъ Совѣтѣ, 919.—Екатерина соглашается на уступку Турціи крымскихъ городовъ, 920.—Удачный дѣйствіе Унгерна и Долгорукаго за Дунаемъ, 921.—Дѣйствіе русскаго флота въ Средиземномъ морѣ, 924.—Шагинъ-Гирей и его мечты о независимости Крыма, 926.—Письмо Станислава-Августа къ Екатеринѣ и ея отвѣтъ, 930.—Инструкціи министрамъ трехъ союзныхъ державъ относительно будущаго сейма, 932.—Освобожденіе Цоляковъ, заточенныхъ въ Калугѣ, 934.—Отвѣтъ Польскаго правительства на объявление трехъ Дворовъ о раздѣлѣ Польши, 935.—Русское правительство требуетъ измѣненій въ польской конституціи, 936.—Противодѣйствіе съ стороны Солтыка, 937.—Открытие сейма, 938.—Егоnota трехъ Дворовъ о раздѣлѣ Польши, 939.—Король не соглашается на новую конституцію, 940.—Войска союзныхъ державъ въ Варшавѣ, 941.—Большинство на сеймѣ высказывается противъ короля, 942.—Несогласіе между Россіей и Австріей по вопросу об ограниченіи королевской власти, 943.—Переговоры сеймовой delegacії с русскимъ министромъ, 946.—Диссидентскій вопросъ, 948.—Ограничение королевской власти, 950.—Дѣла Пруссія, 952.—Дѣла Австрійскія, 959.—Дѣла Французскія, 963.—Дѣла Шведскія, 966.—Дѣла Датскія, 970.—Дѣла Англійскія, 973.—Смерть султана и надежды на миръ, 976.—Условіе мира, 977.—Мирные переговоры, 978.—Дѣйствія русской арміи за Дунаемъ и Балканами, 979.—Кучукъ-Кайнарджійскій мирный договоръ, 980.—Высочайший распорядитель Румянцеву, 981.—Замѣщательство въ Крыму и выходъ Долгорукаго въ отставку, 981.—Препятствія со стороны Порты къ ратификаціи договора, 982.—Болѣзнь Румянцева, 983.—Крымъ отказывается принять независимость, Турція поддерживаетъ его въ этомъ, 984.—Возмущеніе Ногаевъ и планъ Шагинъ-Гирея относительно Кры-

ма, 986.—Польскія дѣла; обостреніе диссидентскаго вопроса, 988.—Споръ о границахъ и посольство гетмана Браницкаго въ Петербургъ, 990.—Рѣшеніе вопроса о Постоянномъ Совѣтѣ, 992.—Дѣла Пруссія, Австрійскія, Французскія и Шведскія, 993.—Взглядъ Екатерины на отношенія къ европейскимъ державамъ послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, 1000.

Глава II. Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны 999—1000

Внутреннее состояніе Россіи во время первой Турецкой войны, 999.—Императорскій Совѣтъ и Сенатъ, 999.—Медленность дѣлонаправления въ правительственныхъ учрежденіяхъ, 1001.—Отношенія Сената къ сувѣріямъ, 1002.—Магистратъ, 1003.—Областное управление, 1003.—Дѣятельность Сиверса, 1003.—Лифляндское земство, 1004.—Русский языкъ въ Прибалтійскомъ краѣ, 1004.—Административное устройство Бѣлоруссіи, 1004.—Подѣлка ассигнацій, 1006.—Новый выпускъ ассигнацій, 1006.—Подлоги со стороны заемщиковъ дворянскаго банка, 1006.—Увеличеніе налоговъ, 1007.—Недоимки, 1008.—Казнокрадство, 1009.—Мѣры противъ контрабанды, 1009.—Государственные доходы и сложеніе экстренныхъ налоговъ, 1010.—Взятіе въ военную службу сверхштатныхъ церковноподчиненныхъ и ихъ дѣтей, 1010.—Раскольн., 1011.—Отношеніе церковнаго и свѣтскаго правительства къ магометанамъ, 1014.—Помѣщиць и правы и крѣпостныхъ отношенія, 1015.—Бунты заводскихъ крестьянъ, 1018.—Своеволіе городского населения и столкновеніе губернаторовъ съ магистратами, 1024.—Разборъ, 1026.—Чума въ Москвѣ, 1027.—Бунтъ и убиеніе митрополита Амвросія, 1037.—Заботы о пострадавшихъ отъ чумы, 1052.—Дѣло о переводѣ фабрикъ изъ Москвы въ другое города, 1053.—Запрещеніе хоронить внутри города при церквяхъ, 1054.—Воспитательный домъ, 1055.—Распоряженія нового главнокомандующаго въ Москвѣ кн. Волконскаго, 1055.—Неудовольствіе въ гвардейскихъ кружкахъ и дѣло Озерова съ товарищами, 1056.—Похожденія Бешевскаго, 1058.—Заговоръ Оловенниковъ съ товарищами, 1060.—Перемѣна въ отношеніи Екатерины къ графу Орлову, 1063.—Потемкинъ, 1065.—Васильчиковъ и Панины, 1066.

Приложение. Обзоръ дипломатическихъ сношений Русскаго Двора отъ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира по 1780 годъ 1067—1068

ИСТОРИЯ РОССИИ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ двадцать шестой.

Гла́ва I.

Продолженіе царствованія императрицы Екатерины II-й Алексѣевны.

1764 годъ.

Заботы Сената о памятнике императрицѣ.—Заговоръ Мировича.—Поѣздка Екатерины въ Прибалтійскія области.—Шлюсельбургское происшествіе.—Судъ надъ Мировичемъ и казнь его.—Князь Вяземскій назначепъ исправлять должность генераль-прокурора.—Наставленіе ему, написанное императрицею.—Споръ въ Сенатѣ по поводу генераль-рекетмейстерской должности.—Рѣшеніе вопроса о конфискованныхъ имѣніяхъ.—Финансовый распоряженій.—Первый русский корабль на Средиземномъ морѣ.—Заботы о торговлѣ.—Крестьяне распоряженій.—Бѣглы.—Чоловники—Неудачный ходъ ревизии.—Наставленіе губернаторамъ.—Пенсіи.—Окончательное уничтоженіе гетманства.—Румянцевъ—Раскольники.—Записка Тешлова о безшорядкахъ въ Малороссії.—Окончательное уничтоженіе гетманства.—Румянцевъ—предѣдатель Малороссійской Коллегіи.—Наставленіе ему императрицы.—Преобразование Новой Сербіи.—Слободско-Украинская губернія.—Состояніе Восточной украины.—Дѣло о Камчатской Экспедиціи.—Дѣло Польскія.—Пасилія на сеймікахъ.—Чарторийскіе требуютъ вступленія русского войска въ Польшу.—Конвоіаціонный сеймъ.—Начало преобразованій.—Бѣгство Радзивіла и Браницкаго отъ русскихъ войскъ.—Избрание въ короли Станіслава Понятовскаго.—Новый король просить императрицу позволять преобразования въ польской конституціи.—Екатерина не соглашается.—Неудача диссидентскаго дѣла.—Союзъ Россіи съ Пруссіею.—Фридрихъ II винушаетъ, что нельзѧ позволять въ Польшѣ преобразованій.—Неудовольствія у Россіи стъ Австріею по поводу Польскихъ дѣлъ.—Натянутія отношенія между Россіею и Франціею.—Странанія Русскаго Двора удержать Порту отъ вмѣшательства въ Польскій дѣлъ.—Вражда Крымскаго хана къ Россіи.—Консулъ Никифоровъ въ Крыму.—Перемѣна французской политики относительно Швеціи.—Усиленіе борьбы ея здѣсь съ Россіею.—Продолженіе дружбы у Россіи стъ Даніею.—Проектъ барона Корфа о «Сѣверномъ союзѣ».—Неудачные переговоры съ Англіею о союзѣ.

Прошло почти два года съ тѣхъ поръ, какъ Сенатъ опредѣлилъ воздвигнуть памятникъ императрицѣ: такъ какъ дѣло было передано въ Академію Наукъ, то Сенатъ вѣтъ спряталъ въ Академіи, какое дѣлается распоряженіе о сооруженіи монумента въ бессмертную славу ея императорскаго величества. Академія отвѣтала, что еще ничего не сдѣлано, потому что изъ Комиссій о каменномъ строеніи въ Петербургѣ не получено извѣстія, на какомъ мѣстѣ будеть удобно поставить памятникъ. Тогда Сенатъ приказалъ послать въ Академію указъ сдѣлать два проекта, одинъ—для памятника, который бы могъ быть поставленъ на Васильевскомъ острову, противъ Академіи и Коллегій, а другой—для памятника на площади, находящейся противъ новаго каменнаго Зимняго Дворца. Академія доносila, что профессоръ Штелинъ имѣть семь инвенцій (проектовъ) памятника, и профессоръ Ломоносовъ обѣщалъ сдѣлать инвенцію¹⁾.

Но въ то время какъ въ Академіи занимались проектами памятника Екатеринѣ, двое офицеровъ обдумывали планъ, какъ бы свергнуть ее съ пре-

стола во имя Шлюсельбургскаго заточника, Ивана Антоновича. Мы видѣли, что императрица приказала уговаривать Ивана, чтобы онъ постригся въ монахи, и дѣло уже ладилось. Безъ означенія числа до насъ дошла записка Екатерины: „Мое мнѣніе есть, чтобы... изъ рукъ не выпускать, дабы всегда въ охраніи отъ зла остался; только постричь нынѣ и перемѣнить жилище въ не весьма близкой и въ не весьма отдаленной монастырь, особенно въ такой, гдѣ богомолья нѣть, и тутъ содержать подъ такимъ присмотромъ, какъ и пынѣ; еще спрятаться можно, нѣть ли посреди муромскихъ лѣсовъ, въ Колѣ, или въ Новгородской епархіи такихъ мѣстъ“. Но съ этимъ намѣреніемъ „охранить извѣсно отъ зла“ опоздали.

Въ то время, когда Карлъ XII приближался къ Малороссіи, Переяславскимъ полковникомъ здѣсь былъ Федоръ Мировичъ; вмѣстѣ съ Мазеною Мировичъ передался на сторону Карла XII и, послѣ пораженія Шведскаго короля, успѣлъ скрыться въ Польшѣ, бросивъ въ Малороссіи жену и двоихъ малолѣтнихъ сыновей, Якова и Петра. Дѣти перебѣгали въ Черниговъ, къ двоюродному дядѣ своему, тамошнему полковнику, извѣстному Павлу Полуботку, и жили

¹⁾ Журналы Сената 1764 года 19 марта.

Исторія Россіи, т. XXVI. кн. VI.

у него до 1723 года. Въ этомъ году Полуботокъ взялъ ихъ съ собою въ Петербургъ; но его скоро посадили въ крѣпость,—и Мировичи лишились всякой подпоры. Но указу императрицы Екатерины I-й, ихъ опредѣлили въ Академію для науки; но, по причинѣ или подъ предлогомъ неполученія жалованья, они перестали заниматься въ Академіи и жили въ Петербургѣ, неизвѣстно чѣмъ и какъ. Въ 1728 году Петръ Мировичъ подалъ просьбу цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, чтобы быть ему при ея домѣ, и цесаревна опредѣлила его къ себѣ въ секретари. Въ слѣдующемъ году Петръ Мировичъ поѣхалъ съ цесаревною въ Москву, куда взялъ съ собою и брата, который въ Москвѣ опредѣлился въ секретари къ польскому посланнику, графу Потоцкому, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Польшу, а въ 1731 году перѣѣхалъ опять въ Москву, гдѣ женился на кучихѣ Акишевой. Но въ 1732 году оба Мировича попали въ Тайную Канцелярію, послѣ чего сосланы въ Сибирь и записаны тамъ въ дѣти боярскія за то, что Петръ Мировичъ списалъ копію съ указа о Полуботокѣ и противъ той копіи написалъ письмо къ послылѣ въ Польшу къ измѣннику, отцу своему, и за то, что Петръ, вопреки запрещенію,ѣздилъ въ Малороссію, а Яковъ—въ Польшу¹⁾.

Сына этого Якова, Василія Мировича, мы встрѣчаемъ въ описываемое время подпоручикомъ Смоленского пѣхотнаго полка. Прошедшее и настоящее тяжело лежало на немъ, а въ природѣ своей онъ не находилъ средствъ противодѣйствовать этому гнету. Онъ считалъ себя человѣкомъ знатнаго происхожденія и не могъ выставлять этого происхожденія, потому что оно обличало въ немъ измѣнчиваго внука; онъ тяготился своимъ небольшимъ чиномъ, который не давалъ ему никакихъ правъ на отличія; оскорблялся обращеніемъ старшихъ офицеровъ, которые одинаково обходились съ оберъ-офицерами изъ дворянъ, какъ и съ оберъ-офицерами изъ разночинцевъ. Наконецъ попытка поправить свое состояніе и состояніе трехъ сестеръ не удалась: Мировичъ просилъ возвратить имъ хотя часть отобраннаго у дѣда его имѣнія,—и получилъ отказъ; просилъ назначить пенсію сестрамъ,—и въ этомъ отказано. Ища выхода изъ своего положенія, Мировичъ, какъ видно, попалъ въ масонскую ложу; но мистицизмъ произвелъ на духовную его природу дѣйствіе опіума. Для людей, подобныхъ Мировичу, страшное искушеніе представляло воспоминаніе 28 июня: „тогда удалось имъ, отчего же теперь не удастся намъ?“—вотъ вопросъ, который неотвязно долженъ былъ преслѣдовать недовольнаго, раздраженнаго Мировича. 1 апрѣля 1764 года Мировичъ рѣшился искать случая освободить Ивана Антоновича изъ Шлюссельбурга и провозгласить императоромъ. Онъ открылся пріятелю своему, поручику Великолуцкаго пѣхотнаго полка, Аполлону Ушакову; тотъ согласился помочь ему въ предпрія-

ти, и оба рѣшили, для безопасности, не открывати замысла никому болѣе. 13 мая, въ Казанскомъ соборѣ, Мировичъ и Ушаковъ отслужили по себѣ панихиду, какъ по умершихъ. Уже было извѣстно, что Екатерина лѣтомъ намѣрена отправиться для обозрѣнія Прибалтійскихъ областей, и заговорщики рѣшили произвести восстаніе черезъ недѣлю по отбытии Двора изъ Петербурга: когда Мировичъ будетъ караульнымъ офицеромъ въ Шлюссельбургѣ, то Ушаковъ приѣдетъ туда на шлюпкѣ подъ видомъ курьера и отдастъ Мировичу манифестъ отъ имени императора Ioanna Antonovicha. Когда солдаты, по прочтеніи манифеста, станутъ на сторону Ioanna, то освободить его и привезти на шлюпкѣ въ Петербургъ, гдѣ пристать на Выборгской сторонѣ, и везти Ивана въ артиллерійскій лагерь, который долженъ быть сыграть ту же самую роль, какую Измайліовскій полкъ сыгралъ 28 июня 1762 г. 25 мая Ушаковъ отправленъ былъ Военною Коллегіею съ казиною къ генералу князю M. N. Волконскому и во время этой поѣздки утонулъ въ рѣкѣ. Но это происшествіе не отвратило Мировича отъ замысла: онъ рѣшился привести его въ исполненіе одинъ, въ назначенное время.

Послѣ Петра Великаго Екатерина была первая государыня, которая предпринимала путешествіе по Россіи съ правительственными цѣлями. Мы видѣли, что въ 1763 году онаѣздила изъ Москвы въ Ростовъ, и хотя поѣздка въ этотъ городъ имѣла религіозную цѣль, однако императрица воспользовалась случаемъ, чтобы изъ Ростова проѣхать далѣе на сѣверъ, въ Ярославль. Теперь она предприняла путешествіе на западъ, для обозрѣнія Прибалтійскихъ областей, причемъ особенно хотѣла посмотретьъ Балтійскій портъ, или Рогервикъ, о которомъ такъ долго толковали, на который было потрачено такъ много трудовъ и денегъ.

Императрица отправлялась съ правительственными цѣлями; но grenадеры говорили, что онаѣдетъ въ Ригу за тѣмъ, что хочетъ выйти тамъ замужъ за Орлова и сдѣлать его принцемъ.

Екатерина выѣхала изъ Петербурга 20 июня и чрезъ Ямбургъ отправилась въ Нарву, гдѣ происходила торжественная встреча; на нѣмецкія рѣчи эстляндскаго рыцарства и нарвскаго бургомистра именемъ императрицы отвѣчалъ по-русски графъ Григ. Григ. Орловъ. Изъ Нарвы императрица отправилась въ Ревель, гдѣ была такъ же торжественная встреча; на триумфальныхъ воротахъ видѣлась надпись: „Екатеринѣ II, матери Отечества непревзойденной“ (Matri Patriae incomparabili). 26-го июня Екатерина писала изъ Ревеля Ив. Ив. Неплюеву, оставленному главноначальствующимъ въ Петербургѣ: „Здѣсь весьма мнѣ ради и не знаютъ, чтѣ затѣять, чтобы показать свое удовольствіе. Я звана обѣдать къ рыцарству, а другой день къ мѣщанству, и всѣ воинству съ великимъ усердіемъ“. 30-го июня Екатерина выѣхала изъ Ревеля въ Балтійскій портъ, откуда писала Панину: „Славный Балтійскій портъ потерялъ славу моимъ

¹⁾ Дѣла Тайной Канцеляріи 1732 года.

сюда прибытиемъ; желаю васъ увидѣть въ добромъ здоровьи; уже скучно становится такъ долго таскаться въ дорогѣ". Запоздавши въ дорогѣ по причинѣ песковъ и сильныхъ жаровъ, которые заставили 40 верстъ бѣхать шагомъ, Екатерина 9-го июля утромъ выѣхала въ Ригу. Здѣсь, среди торжествъ и народныхъ ликований, Екатерина съ веселымъ лицомъ отвѣчала на поздравленія, а между тѣмъ забота лежала на сердцѣ: она получила отъ Панина письмо съ извѣстіемъ о дивахъ, произошедшихъ въ Шлюссельбургѣ.

Панинъ, жившій съ великимъ княземъ-наследникомъ въ Царскомъ Селѣ, получилъ изъ Шлюссельбурга отъ коменданта Бередникова такое донесеніе отъ 5-го июля: „Сего числа, пополуночи, во второмъ часу, стоящій въ крѣпости въ недѣльномъ караулѣ Смоленскаго пѣхотнаго полку подпоручикъ Василій Яковлевъ сынъ Мировичъ весь карауль въ фрунтъ учредилъ и приказалъ заряжать ружья съ пулями; а какъ я, услыша стукъ и заряжаніе ружей, выпѣль изъ квартиры своей и спросилъ, для чего такъ безъ приказу во фрунтъ становятся и ружья заряжаются, то Мировичъ прибѣгъ ко мнѣ и ударили меня прикладомъ ружья въ голову и пробилъ до кости черепа, крича солдатамъ: „Это злодѣй, государя Иоанна Антоновича содержалъ въ крѣпости здѣшней подъ карауломъ,—возьмите его! Мы должны умереть за государя!“ Подхватили меня, и въ арестѣ находился я до пяти часа утра, держанъ былъ приставленными солдатами за все мое платье. Пока я содержался, Мировичъ двукратно покушался идти съ заряженными ружьями противъ караула гарнизонной команды, которая находилась въ вѣдомствѣ капитана Власьевъ и поручика Чекина, гдѣ многими патронами съ пули стрѣлялъ, напротивъ того и ему отвѣтствовано. Мировичъ привезъ шести-фунтовую пушку къ казармѣ, гдѣ содержатся колодники. Что при томъ происходило,—не знаю, ибо видѣть не могъ; напослѣдокъ Мировичъ привелъ съ собою въ арестъ предъ фрунты капитана Власьевъ и Чекина, и мертвое тѣло безъмянаго колодника принесено командою его, гдѣ, по установлѣніи фрунта, со всѣми солдатами цѣловался, сказывая имъ, что это онъ одинъ погрѣшилъ, и барабанщику велѣлъ бить зарю утреннюю, а потому полныи походъ; тутъ я закричалъ, чтобы его арестовали, что и было исполнено; при арестѣ найдены мною у него манифесты, присяга и повелѣнія, писанные его рукой“.

Панинъ, получивши это донесеніе, немедленно отправилъ въ Шлюссельбургъ подполковника Кашкина съ приказаніемъ узнать всѣ обстоятельства дѣла и произвести допросъ Мировичу, и въ то же время послалъ донесеніе въ Ригу къ императрицѣ. 9-го июля Екатерина получила это донесеніе и отвѣчала Панину: „Я съ великимъ удивленіемъ читала ваши рапорты и всѣ дивы, произошедшия въ Шлюссельбургѣ: руководство Божіе чудное и неиспытанное есть! Я къ вашимъ

весыма хорошимъ распоряженіямъ иного прибавить не могу, какъ только, что теперь надлежитъ слѣдствіе надъ винными производить безъ огласки и безъ всякой скрытности (ионеже само собою оное дѣло не можетъ остаться секретно, болѣе двухъ сотъ человѣкъ имѣя въ немъ участіе). Безъмянаго колодника велите хоронить по христіанской должности въ Шлюссельбургѣ безъ огласки же. Минъ разсудилось, что есть ли неравно искра кроется въ неплѣ, то не въ Шлюссельбургѣ, но въ Петербургѣ, и весыма желала бы, чтобъ это не скоро до резиденціи дошло; и кой часъ дойдетъ до Петербурга, то уже надобно дѣло повести публично; и того ради велѣла заготовить указъ къ генераль-поручику той дивизіи, Веймарну, дабы онъ слѣдствіе произвелъ, который вы ему отгадите; онъ же—человѣкъ умный и далѣе не пойдетъ, какъ ему повелѣно будетъ. Вы ему сообщите тѣ бумаги, которыя для его извѣстія надобны, а прочія у себя храните до моего прибытія; я весыма любопытна знать, арестованъ ли поручикъ Ушаковъ и иѣтъ ли болѣе участниковъ. Кажется, у нихъ планъ былъ. Сie письмо или нужное изъ оного покажите Веймарну, дабы оно служило ему въ наставлѣніе. Шлюссельбургскаго коменданта и вѣрныхъ офицеровъ и команду господинъ Веймарнъ имѣть обнадежить нашою милостію за ихъ вѣрность. Весьма, кажется, нужно осмотрѣть, въ какой дисциплинѣ находится Смоленскій полкъ“.

Между тѣмъ, 8-го июля, Ив. Ив. Неплюевъ, оставшійся главно-начальствующимъ въ Петербургѣ, уведомилъ Панина, что въ столицѣ хотя и знаютъ о произошедшемъ въ Шлюссельбургѣ, но никакихъ предосудительныхъ толкованій не слышно. Послѣ этого, въ три часа пополуночи, явился въ Царское Село Тепловъ съ письмомъ отъ Неплюева: въ письмѣ говорилось, что въ Петербургѣ тихо, тѣмъ болѣе что молва увѣряетъ и о смерти „того фантома, для котораго злодѣйство начато было“. Но, кромѣ письма, Тепловъ объявилъ, что Неплюевъ поручилъ ему сказать Панину изустно слѣдующее: „Если-бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, то бы, ни мало не мѣшкавъ, возмутителя Мировича взялъ въ Царское Село и въ сокровенномъ мѣстѣ пытко изъ него вывѣдалъ о его сообщникахъ; или ежели-бъ сей арестантъ былъ въ моихъ рукахъ, то-бъ я у него въ ребрахъ пощупалъ, съ кѣмъ онъ о своемъ возмущеніи соглашался, ибо нельзя надивиться, что такой малый человѣкъ столь важное дѣло собою однимъ предпріялъ, а се мученіе нужно для того, чтобы тѣ сообщники не скрылись“.—„Почему же Иванъ Ивановичъ мнѣ обѣ этомъ не написалъ?“ спросилъ Панинъ у Теплова.—„Я его и просилъ“, отвѣчалъ Тепловъ, „чтобы онъ или письмомъ о тѣмъ кѣмъ отписалъ, или бы записку мнѣ далъ, въ чемъ состоять его требование отъ васъ, но Иванъ Ивановичъ мнѣ сказалъ, что онъ отъ своихъ словъ не отречется, въ чемъ ссылался на князя Александра Алексѣевича Вяземскаго, который при томъ былъ“.

Панинъ описалъ императрицѣ своей разго-

воръ съ Тепловымъ; но Неплюевъ и самъ 10-го числа написалъ Екатеринѣ, что надобно Мировича истиязать.

Того же самаго 10-го іюля пріѣхалъ въ Гигу Кашикинъ и подалъ императрицѣ первый допросъ Мировича, который сказалъ: „Намѣреніе мною ученическаго злодѣйства предпріято сего году апрѣля съ 1-го числа; а къ сему меня побудили слѣдующія причины: 1) Когда мнѣ случалось бывать во дворцѣ, тогда, видя, что до штабъ-офицера, также и прочихъ статскихъ чиновъ людей свободно предъ ея императорское величество допускаютъ, а ниже онъхъ, какъ-то и оберъ-офицеровъ, не пускаютъ. 2) Когда случалось быть такимъ операмъ, въ которыхъ ея императорское величество присутствовать соизволила, что я также допускаемъ не былъ. 3) Что штабъ-офицеры не такое почтеніе, какое офицеръ по своей чести имѣть къ себѣ долженствуетъ, отдаются, яко же и то, что тѣхъ, кои изъ дворянъ, съ тѣми, кои изъ разночинцевъ, сравниваются. 4) Когда я просилъ о выдачѣ мнѣ изъ отписанного предковъ моихъ имѣнія, сколько изъ милости ея императорскаго величества пожаловано будетъ, то въ резолюціи написано было слѣдующее: „По прописанному здѣсь просителю никакого права не имѣть, и для того надлежитъ Сенату отказать имъ“; на вторичную прослѣбу о пожалованіи пенсіи тремъ сестрамъ моимъ также отказано. Хотѣль я государя Иоанна Антоновича высвободить и привезти предъ артиллерійскіе полки“. Изъ показаний Мировича и другихъ причастныхъ дѣлу лицъ вскрылись слѣдующія подробности. Сначала Мировичъ хотѣль открыть Власьеву свое намѣреніе, и 4 іюля, въ воскресенье, встрѣтясь съ этимъ офицеромъ, началъ-было ему говорить: „Не погубите ли вы меня прежде предпріятія моего?“ Но Власьевъ прервалъ его рѣчь и сказалъ: „Если предпріятіе ваше такое, что можетъ васъ погубить, то я и слышать обѣ немъ не хочу“. Послѣ этого Мировичъ сталъ уговаривать солдата Писклова, который отвѣчалъ, что если солдатство будетъ согласно, то и онъ согласенъ, и подговорилъ еще двоихъ солдатъ. Затѣмъ самъ Мировичъ подговорилъ солдата Босова, троихъ капраловъ; иѣкоторые сначала отказывались, но оканчивали словами: „Если все, то и я“. Мировичъ рѣшился начать дѣло немедленно, боясь, что Власьевъ догадался, о какомъ предпріятіи начинать онъ говорить съ нимъ, и донесъ обѣ этомъ куда слѣдуетъ. Во второмъ часу пополуночи, Мировичъ изъ офицерской кордегардіи сбѣжалъ внизъ въ солдатскую караулкую, закричалъ: „Къ ружью!“ и, ставъ передъ фурмитомъ, велѣлъ заряжать ружья. Когда вышелъ Бередниковъ, то онъ взялъ его за воротъ халата и отдалъ подъ стражу, послѣ чего двинулся съ своимъ отрядомъ къ казармѣ, гдѣ стояла гарнизонная команда. На окликъ — „кто идетъ?“ Мировичъ отвѣчалъ: „Пу къ государю!“ Изъ гарнизона раздался ружейный залпъ; Мировичъ велѣлъ своимъ отвѣчать; но, потомъ, опасаясь, чтобы не застрѣ-

лить Ивана Антоновича, велѣлъ отступить. Тутъ команда пристала къ нему: „Покажи видъ, почему поступать?“ Мировичъ прочелъ изъ манифеста, отъ имени Ивана, тѣ мѣста, которыя, по его мнѣнію, могли особенно тронуть солдатъ, по прочтѣніи сказа́лъ: „Поздравляю васъ съ государствомъ!“ и сталъ кричать гарнизонной командѣ, чтобы не стрѣляли, иначе противъ нихъ будутъ изъ пушки стрѣлять. Видя, что угрозы не помогаютъ, Мировичъ дѣйствительно велѣлъ тащить пушку и онъ послалъ сказать гарнизону, что будетъ пасть; но посланный возвратился съ отвѣтомъ, что гарнизонъ уже положилъ оружіе. Мировичъ съ своею командою бросился въ казарму, вошелъ — темъ, послалъ за огнемъ; но когда пришелъ свѣчи, то онъ увидалъ лежащее среди казармы на полу тѣло заколотаго человѣка; Власьевъ и Чекинъ стояли тутъ; Мировичъ, взглянувъ на нихъ, сказалъ: „Ахъ вы безсовѣстные! боитесь ли Бога? За что вы невинную кровь пролили?“ — „Мы сдѣлали это по указу“, отвѣчали офицеры, „а вы отъ кого пришли?“ — „Я пришелъ самъ собою“, сказалъ Мировичъ. — „Мы“, продолжали офицеры, „все это сдѣлали по своему долгу, и имѣмъ указъ, — вотъ онъ!“ Они подали Мировичу бумагу, но онъ не сталъ ея читать. Тутъ подстутили къ нему солдаты съ вопросомъ, не прикажетъ ли заколоть офицеровъ. „Не трогайте“, отвѣчалъ онъ: „теперь помоши намъ никакой пѣтъ; они правы, а мы виноваты!“ Сказавши это, Мировичъ подошелъ къ тѣлу, поцѣловавъ его въ руку и ногу, велѣлъ солдатамъ положить его на кровать и вынести изъ казармы на фронтовое мѣсто, гдѣ и происходило то, о чёмъ доносилъ Бередниковъ Чанину.

Власьевъ показалъ, что онъ дѣйствительно заподозрилъ въ Мировичѣ злое намѣреніе изъ словъ, сказанныхъ имъ 4 іюля, и, переговоривъ съ Чекиннымъ, отправилъ Панину рапортъ объ этомъ; но курьеръ былъ задержанъ перенапохомъ 5 числа. Они убили Ивана Антоновича, когда услыхали, что пушку заряжаютъ. Власьевъ счелъ нужнымъ при допросѣ утаить, что у нихъ былъ указъ не отдавать Ивана Антоновича никому живого; онъ показалъ, что они отвѣчали Мировичу: „Кто надѣннымъ (Иваномъ) что сдѣлалъ, тотъ поступалъ по указу“. — „Только“, прибавилъ Власьевъ, „оно (указа) я никогда и ни откуда не имѣлъ, слѣдственно у меня какъ въ рукахъ не было, такъ и показывать было нечего, а сказали мы обѣ указъ отъ смертнаго страха“. О покойномъ они показали то же, что было извѣстно изъ прежнихъ донесеній: при очень крѣпкомъ здоровыи не имѣлъ онъ никакого тѣлеснаго недостатка, кроме сильнаго косноязычія; посторонние почти вовсе не могли его понимать, и постоянно находившіеся при немъ понимали съ трудомъ; онъ не могъ произнести слова, не поднявъ рукою подбородка. Вкуса не имѣлъ, ъль все безъ разбора и съ жадностью. Въ продолженіи 8 лѣтъ не примѣченъ ни одной минуты, когда бы онъ пользовался настоящимъ

употребленіемъ разума; самъ себѣ задавалъ вопросы и отвѣчать на нихъ: говорилъ, что тѣло его есть тѣло принципа Иоакина, назначеннаго императоромъ Россійскимъ, который уже давно отъ міра отошелъ, а на самомъ дѣлѣ онъ есть небесный духъ, и именно Св. Григорій, потому всѣхъ другихъ людей почиталъ мерзѣйшими тварями; говорилъ, что такъ какъ люди другъ передъ другомъ и Св. иконамъ кланяются, то этимъ и оказывается ихъ мерзость и непотребство, а небесные духи, въ числѣ которыхъ и онъ, никому поклоняться не могутъ; желалъ быть митрополитомъ, для чего выпросилъ себѣ у Бога позволеніе временемъ и поклоны класть, какъ слѣдуетъ митрополиту. Нрава былъ свирѣпаго и никакого противорѣчія не сносили; грамотѣ не зналъ, памяти не имѣлъ, молитва состояла въ одномъ крестномъ знаменіи. Все время или ходилъ, или лежалъ; ходя иногда хотѣлъ.

Того же 10 іюля, какъ видно еще до приѣзда Кашкина, Екатерина написала Панину полуруssкое, полуфранцузское письмо, обличавшее сильное волненіе: „Никита Иванович! Не могу я довольно васъ благодарить за разумныя и усердныя ко мнѣ и Отечеству мѣры, которыя вы приняли по шлюссельбургской исторіи. У меня сердце щемитъ, когда я думаю объ этомъ дѣлѣ, и много-много благодарю васъ за мѣры, которыя вы приняли и къ которымъ, конечно, нечего большихъ прибавить. Провиденіе дало мнѣ ясный знакъ своей милости, давши такой оборотъ этому предирѣятію. Хотя зло пресѣчено въ коршу, однако я боюсь, чтобы въ такомъ большомъ городѣ, какъ Петербургъ, глухие слухи не надѣлали бы много несчастныхъ, ибо двое негодяевъ, которыхъ Богъ наказалъ за гнусную ложь, написанную ими въ своемъ самозванномъ манифестѣ на мой счетъ, не преминули (по крайней мѣрѣ такъ можно предполагать) посыпать свой ядъ, и доказательствомъ служить для меня то, что въ день моего отѣзда изъ Петербурга одна бѣдная женщина нашла на улицѣ письмо, написанное поддѣльною рукою, где говорилось то же самое; письмо передано князю Вяземскому (исправлявшему должность генераль-прокурора, по смѣнѣ Глѣбова) и теперь у него; надобно допросить этихъ офицеровъ, они ли написали и распространили письмо; я боюсь, чтобы зло не имѣло еще другихъ послѣдствій, ибо говорить, что этого Ушакова въ связи съ большими числами мелкихъ придворныхъ служителей. Наконецъ, надобно положиться на Господа Бога, Который благоволить открыть, я не смѣю въ этомъ сомнѣваться, все это ужасное покушеніе. Я не останусь здѣсь ни одного часа болѣе, чѣмъ сколько нужно, не показывая однѣко, что я спѣшу, и возвращусь въ Петербургъ, и здѣсь, надѣюсь, мое возвращеніе не мало будетъ содѣйствовать уничтоженію всѣхъ клеветъ на мой счетъ. Вспомините также вранье того офицера, что Соловьевъ привелъ; да съ Великаго поста болѣе двадцати подобныхъ было—и всѣ о той же матеріи.

Велите пожалуйста разсмотрѣть, не они ли (Мировичъ и Ушаковъ) тому виновниками были. Хотя въ семъ письмѣ я къ вамъ съ крайнею откровенностию все то пишу, что въ голову пришло, но не думайте, чтобы я страху предалась; я сіе дѣло не болѣе уважаю, какъ оно въ самомъ существѣ есть, сирѣчь денигъральныи и безразсудный союз; однакожъ надобно до фундамента знать, сколь далеко дурачества распространялись, дабы, если возможно, разомъ пресѣчь и тѣмъ избавить отъ несчастія невинныхъ простяковъ“.

Допросъ, привезенный Кашкинымъ, не вполнѣ удовлетворилъ Екатерину, какъ видно изъ письма ея къ Панину отъ 11 іюля: „Хотя по вашимъ примѣчаніямъ съ основаніемъ видится, будто у Мировича сообщниковъ неѣть, однако полагаться не можно на злодѣя, такого твердаго въ своемъ предпріятіи, но должно съ разумною строгостью изслѣдововать сіе дѣло. Брата утопшаго Ушакова также допросить надобно, не вѣдалъ ли онъ братинъ мыслей. Еще же знать желаю, въ артиллеріи [куда они везти (Ивана) намѣрены были] пѣть ли сообщниковъ, тѣмъ болѣе-что командиръ у нихъ весьма нелюбимъ, о чёмъ неоднократно уже до меня доходило эхо. Я нынѣ болѣе спѣшу какъ прежде возвратиться въ Петербургъ, дабы сіе дѣло скорѣе окончить и тѣмъ дальнихъ дурачкіихъ разглашеній пресѣчь“.

Чо какъ ни торопилась Екатерина въ Петербургъ, она должна была ещеѣхать въ Митаву. Биронъ пріѣхалъ въ Ригу и умолялъ императрицу посыпть его въ его резиденцію, которую онъ получилъ отъ щедрой и благодѣтельной руки ея величества, всемилостивѣйшей своей избавительницы и покровительницы. Екатерина должна была согласитьсяѣхать въ Митаву уже и потому, чтобы не показаться испуганною и торопящеюся въ Петербургъ; 13 іюля она отправилась въ Курляндію, на границахъ которой была встрѣчена герцогомъ и его обоими сыновьями. Въ митавскомъ дворцѣ, Биронъ, ставши на колѣни, дѣловалъ руку своей щедрой благодѣтельницы и благодарили за посыпаніе. „Герцогъ“, писала Екатерина Панину, „по возвращеніи въ Ригу, принялъ меня съ великодѣніемъ, и медаль нарочно сдѣлалъ для приему, и деньги кидаль въ народъ. Народъ здѣшній жадъ моего приѣзда изъ Митавы до первого часа за полночь, и какъ увидѣли мою карету, то съ визавтомъ проводили меня до моего дома. Пишу къ вамъ это, чтобы показать, что Ливонцы начинаютъ поддаваться вліянію своихъ завоевателей“.

Но, среди торжествъ въ Митавѣ и Ригѣ, мысль всеѣбыла занята Шлюссельбургомъ. На дорогѣ изъ Риги въ Петербургъ, 16 іюля, она писала Панину: „Сколько я желаю, чтобы Богъ вывелъ, если есть, сообщниковъ, столь я Всевышняго молю, дабы невинныхъ людей въ семъ дѣлѣ не пронадало. Я прочла календарь и записки олаго злодѣя, изъ которыхъ единомышленныхъ не видится, но только изъ одного листа видно, что онъ меня убить хо-

тѣль; а чтобы они по Петербургу не разглашали свои намѣренія,—тому кажется вѣрить не можно, ионеже со Святой недѣли много о семъ происшествіи почти точные доносы были, которые мовмъ неуваженіемъ презрѣны¹. 18 іюля письмо къ Неплюеву: „Осторожность вашу не никакъ похвалить могу, что вы за Мировичами приказали безъ огласки подсматривать; однако если дѣло не дойдетъ до нихъ, то арестовать ихъ не для чего, ионеже пословица есть: „Братъ мой, а умъ свой“. Все же я никакъ не желаю, чтобы невинные пострадали“.

25 іюля императрица возвратилась въ Петербургъ. Постъ слѣдствія надъ Мировичемъ, произведенаго Веймарномъ и не открывшаго ничего новаго, учрежденіе было чрезвычайный судъ изъ Сената и Синода, къ которымъ были присоединены сановники первыхъ трехъ классовъ и предсѣдатели коллегій. 25 августа судъ отправилъ къ императрицѣ депутатовъ съ прослѣбою позволить ему поступать по большинству голосовъ, не сносясь съ нею. Екатерина написала собственноручно на докладѣ: „Что принадлежитъ до нашего собственнаго оскорблѣнія, въ томъ мы сего судимаго всеми-лостиивѣши прощаемъ; въ касающихся же дѣлахъ до цѣлости государственной, общаго благополучія и тишини, въ силу поднесенного намъ доклада, на сего дѣла случай отдаемъ въ полную власть сему нашему вѣрноподданному собранію². При отбираніи голосовъ, должно ли приступить къ сентенціи, оберъ-прокуроръ Соймоновъ сталъ говорить президенту Медицинской Колледжіи, барону Черкасову, что иѣкоторые изъ духовенства приговариваютъ Мировича пытать. Тутъ исправлявшій должность генераль-прокурора, князь Вяземскій, подошелъ и повелительнымъ тономъ запретилъ Соймонову продолжать разговоръ о мнѣніи духовенства, а у Черкасова потребовалъ немедленного отвѣта, должно ли приступить къ сентенціи. Черкасовъ второпяхъ отвѣталъ, что должно; но потомъ, 2 сентября, представилъ письменное мнѣніе, что Мировича надобно пытать съ цѣлью открыть сообщниковъ или наустителей. „Намъ необходимо нужно“, писалъ онъ, „жестокимъ розыскомъ злодѣю оправдать себя не токмо передъ всѣми живущими, но и слѣдующими по насъ родами; а то опасаюсь, чтобы не имѣли причины почесть насъ машинами, отъ посторонняго вдохновенія движущимися или комедіантами“. Собрание осердилось и просило императрицу защитить его отъ оскорблѣній Черкасова. Послѣдній долженъ былъ извиниться, объявилъ, что въ добромъ намѣреніи употребилъ слова, которыми собраніе почло себя оскорблѣніемъ. Написаніе сентенціи возложено было на Адама Васильевича Олсуф'ева, генераль-поручика Веймара и президента Юстиць-Колледжіи Лиѳляндскихъ и Эстляндскихъ Цѣль—Эмме. Члены Синода объявили, что, какъ духовные, подписывать смертный приговоръ не могутъ, хотя и признаются, что Мировичъ достоинъ жесточайшей казни. Смертная казнь со-

вершилась 15 сентября, передъ полуднемъ, на Петербургскомъ островѣ, на Обжорномъ рынке. Сохранилось извѣстіе, что Мировичъ всходилъ на эшафотъ съ твердостью и благоговѣніемъ. Державинъ оставилъ памъ извѣстіе о томъ, какое впечатлѣніе произвела смертная казнь на народъ, отвѣкшій отъ нея съ царствованія Елизаветы. „Народъ, стоявший на высотахъ домовъ и на мосту, не обыкнѣвъ видѣть смертной казни и ждавшій почему-то милосердія государыни, когда увидѣлъ голову въ рукахъ палача, единогласно ахнуя и такъ содрогаясь, что отъ сильнаго движенія мостъ поколебался, и перила обвалились. Солдаты, дѣйствовавши вмѣстѣ съ Мировичемъ въ Шлюссельбургѣ, прогнали сквозь строй и потомъ разосланы по отдаленнымъ гарнизонамъ. Власьевъ и Чекинъ получили по 7,000 рублей награжденія, отставлены отъ службы съ сохраненіемъ жалованья и дали подписку: подъ лишеніемъ чести и живота не утруждать императрицу относительно содержанія, жить всегда въ отдаленіи отъ великихъ и многолюдныхъ компаний; обоимъ вмѣстѣ пигдѣ въ компаніяхъ не быть и на дѣлахъ, особенно приказныхъ, не подписываться; въ столичные города безъ крайней нужды неѣздить, и если придетсяѣхать, то не вмѣстѣ; объ извѣстномъ событии никогда не говорить¹“).

До отѣзда своего въ Прибалтійскія области, императрица присутствовала четыре раза въ Сенатѣ, и по возвращеніи изъ путешествія—три. Сенатъ, раздѣленный на департаменты, сталъ жить новою жизнью. Мы видѣли, что генераль-прокуроръ Глѣбовъ, вслѣдствіе разысканія Крыловскаго дѣла, не могъ оставаться при своей важной должности. З февраля Сенатъ получилъ указъ: „Въ разсужденіи иѣкоторыхъ обстоятельствъ, касающихся до генерала-прокурора Глѣбова, ея императорское величество повелѣваетъ впередъ отправлять генераль-прокурорскую должность генераль-квартирмейстеру, князю Александру Вяземскому²). Екатерина написала ему собственноручно секретнѣшее наставленіе, которое начинается очень неlestнымъ отзывомъ о Глѣбовѣ, причемъ задѣтъ и благодѣтель его, графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Выходка противъ Шувалова показываетъ такое сильное раздраженіе, выпесенное изъ прошедшаго, которое заставило забыть, что подобная выходка въ инструкціи генераль-прокурору вовсе не умѣста. „Прежнее худое поведеніе, корыстолюбіе, лихомиство и худая вслѣдствіе сихъ свойствъ репутація, недовольно чистосердечія и искренности противъ меня пынѣшиаго генераль-прокурора,—все сіе приуждастъ меня его смынить и совершило помрачаетъ и уничтожаетъ его способности и прилежанія къ дѣламъ; но и то прибавить должно,

¹) Дѣло о Мировичѣ и переписка императрицы Екатерины по этому дѣлу—въ Государственномъ Архивѣ. О послѣдніхъ минутахъ Мировича, разсказъ А. С. Строганова—въ Запискахъ Поронина.

²) Журналъ Сената 3 февраля 1764 года.

что и мало къ тому его несчастію послужили знаемость и короткое обхожденіе въ его еще молодости съ покойнымъ графомъ Петромъ Шуваловыемъ, въ котораго онъ рукахъ совершилъ находилъ и напоился принципіями, хотя и не весьма для общества полезными, но достаточно прибыльными для самихъ ихъ. Все сіе производить, что онъ болѣе къ теминымъ, нежели къ яснымъ дѣламъ имѣть склонность, и часто отъ меня въ его поведеніяхъ много было сокровенного, чрезъ что по мѣрѣ и моя довѣренность къ нему умалялась; а вреднѣе для общества ничего быть не можетъ, какъ генераль-прокуроръ такой, который къ своему государю совершилъ чистосердечія и откровенности не имѣть; такъ какъ и для него хуже всего — не имѣть отъ государя совершенной довѣренности, понеже онъ, по должности своей, обязывается сопротивляться наисильнейшимъ людямъ, и слѣдовательно власть государская — одна его подпора. Вамъ должно знать, съ кѣмъ вы дѣло имѣть будете. Ежедневные случаи васъ будуть ко мнѣ предводительствовать (т.-е. приводить); вы во мнѣ найдете, что я иныхъ видовъ не имѣю, какъ наимяющее благополучіе и славу отечества, и иного не желаю, какъ благоденствія моихъ подданныхъ, какого-бы они званія ни были; мои мысли всѣ къ тому лишь только стремятся, чтобы какъ извнутрь, такъ и въ государства сохранить тишину, удовольствіе и покой. Увидя и отъ васъ вѣрность, прилежаніе и откровенное чистосердечіе, тогда вы ласкать себя можете получить отъ меня новѣренность безпредѣльную. И весьма люблю правду, и вы можете ее говорить, не боясь ничего, и спорить противъ меня безъ всякаго опасенія, лишь бы только то благо произвело въ дѣлѣ. Я слышу, что васъ всѣ почитаютъ за честнаго человека; я же надѣюсь вамъ опытами показать, что у Двора люди съ сими качествами живутъ благополучно. Еще къ тому прибавлю, что я ласкальства отъ васъ не требую, но единственно чистосердечного обхожденія и твердости въ дѣлахъ. Въ Сенатѣ найдете вы двѣ партіи; но здравая политика съ моей стороны требуетъ оныхъ отнюдь не уважать, дабы иметь черезъ то не подать твердости и они бы скорѣе тѣмъ исчезли, а только смотрѣла я за ними педремлемымъ окомъ, людей же употребляла по ихъ способности къ тому или другому дѣлу. Обѣ партіи стараться будутъ иныѣ васъ уловить въ свою сторону. Вы въ одной пайдете людей честныхъ нравовъ, хотя и недалѣко видныхъ разумомъ; въ другой, думаю, что виды далѣе простираются, но не ясно, всегда ли оные полезны. Иной думастъ, для того что онъ долго былъ въ той или другой Землѣ, то вездѣ по политикѣ той его любимой Земли все учреждать должно, а все другое безъ изъятія заслуживаетъ его критики, несмотря на то, что вездѣ внутрення распоряженія на нравахъ націи основываются. Вамъ не должно уважать ни ту, ни другую сторону; обходиться должно учиово и безпредострастно,

выслушать всякаго, имѣя только единственно пользу отечества и справедливость въ виду, и твердыми шагами идти кратчайшимъ путемъ къ истинѣ. Въ чемъ вы будете сумнительны, спроситесь со мною и совершенно надѣйтесь на Бога и на меня, а я, видя такое ваше угодное мнѣ поведеніе, вѣсть не выдамъ. Всѣ мѣста и самый Сенатъ вышли изъ своихъ оснований разными случаями, какъ непрележаніемъ къ дѣламъ моихъ искоторыхъ предковъ, а болѣе случайныхъ при нихъ людей пристрастіями. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписаныихъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деньги, деревни, однимъ словомъ — почти все, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ-что и мнѣ случилось слышать въ Сенатѣ, что одной Коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ Сенатъ представить, до чего однакожъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ. Чрезъ такія гоненія искажихъ мѣстъ они пришли въ толь великий упадокъ, что и Регламентъ вовсе позабыли, которымъ повелѣвается противъ сенатскихъ указовъ, если оные не въ силѣ законовъ, представлять въ Сенатъ, а напослѣдокъ и ко мнѣ. Работѣство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и иныѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждеть. Сенатъ же, вышедъ единожды изъ своихъ границъ, и иныѣ съ трудомъ привыкаетъ къ порядку, въ которомъ ему быть надлежитъ. Можетъ быть, что и для любочестія иныхъ членовъ прежніе примѣры прелестины, однакожъ покамѣстъ я жива, то останемся, какъ долгъ велить. Россійская имперія есть столь обширна, что, кроме самодержавнаго государя, всякая другая форма правленія вредна ей, ибо все прочее медлительнѣе въ исполненіяхъ и многое множество страстей разныхъ въ себѣ имѣть, которыя всѣ къ раздробленію власти и силы влекутъ, нежели одного государя, имѣющаго всѣ способы къ пресѣченію всякаго вреда и почитая общее добро своимъ собственнымъ, а другое всѣ, по слову евангельскому, наемники есть¹⁾).

Первый шагъ князя Вяземскаго изъ новомъ по-пришѣ былъ неудаченъ. 30 января произошло разногласіе между сенаторами: девять сенаторовъ полагали, чтобы генераль-рекетмейстеру принимать только такія пропечія, которыя означены въ его инструкції, а прочія по разнымъ въ Сенатѣ дѣламъ принимать, въ силу указовъ, по департаментамъ оберъ-секретарямъ; но другіе пять сенаторовъ подали мнѣніе, что всѣ человѣческія принимать одному оберъ-рекетмейстеру. Эти мнѣнія 13 февраля читаны были въ Сенатѣ въ присут-

¹⁾ Сборникъ Рус. Истор. VII, 345.

ствіи императрицы, и, несмотря на стараніе согласить сенаторовъ, каждый изъ нихъ остался при своеѣ мнѣнії. Послѣ этого князь Вяземскій поднесъ дѣло на высочайшее разсмотрѣніе и притомъ представилъ свое мнѣніе, что и онъ согласенъ съ пятью сенаторами, чтобы всѣ члены принять одному генераль-рекетмейстеру. Екатерина написала на доношеніи: „Генераль-рекетмейстеру поступать по своей инструкціи, а члены принимать по департаментамъ“ ¹⁾.

30-го іюля императрица, присутствуя въ Сенатѣ, произнесла рѣшеніе, прекращающее домогательства потомковъ на возвратеніе имѣній, конфискованныхъ у предковъ ихъ, рѣшеніе согласное съ рѣшеніемъ на просьбу Мировича. Въ 1727 г. отобраны были имѣнія у вдовы гетмана Скоропадскаго: дочь Скоропадскихъ, какъ известно, была за графомъ Толстымъ: теперь секундъ-маиръ гвардіи графъ Толстой отъ своего имени и отъ имени всѣхъ племянниковъ былъ членомъ о возвратеніи имѣній Скоропадскаго, какъ наследникамъ. Императрица указала: „Какъ тѣ маestности отписаны и другимъ разданы по именнымъ укзамъ, то если сверхъ того нынѣ возобновлять наслѣдство гетмана Скоропадскаго, то уже ничего твердаго быть не можетъ, и для того имѣніе остается за тѣми, за кѣмъ оно донынѣ состоится“ ²⁾.

Въ инструкціи князю Вяземскому императрица, между прочимъ, говорила: „Весьма, по обширности имперіи, великая нужда состоится въ умноженіи циркуляціи денегъ, а у насъ нынѣ по счетамъ Монетного департамента не болѣе 80 миллионовъ серебра въ народѣ, которую сумму, расположивъ по числу людей, придется по 4 рублю на человѣка, если еще не меньше. Разные были проекты, изъ которыхъ, наконецъ, вышла мѣдная монета, на которую много очень жалобы, однако-жъ пока не будетъ знатнаго умноженія серебра въ государствѣ, сей вредъ сносить должно, а нынѣ обѣ ономъ стараться надлежитъ, какъ ужъ и начато, чтобы не было разнаго вѣса монеты, содержащей одинаковую цѣну, такъ какъ и разныхъ цѣнъ одного вѣсу и металла; да чтобы серебро возможнымъ способомъ вовлечь въ государство, таъ какъ напримѣръ хлѣбнымъ торгомъ, какъ о томъ и комиссіи и коммерціи уже приказано. О вынисываніи серебра иного сказать не могу, какъ только, что сія матерія весьма деликатна и многимъ о семъ не пріятно слышать, однако-жъ вамъ надлежитъ и въ сіе дѣло вникнуть. Въ самомъ началѣ года велико было дѣлать золотую монету такъ, чтобы внутренняя личность была точно въ 15 разъ больше противъ серебряной; золотую монету дѣлать 88 пробою, каждый имперіаль (10 рублей) вѣсомъ по три золотника и по $\frac{3}{4}$ доли, а полуимперіаль по одному золотнику и по $\frac{4}{7}$ 88 доли; серебряную монету дѣлать 72 пробою“ ³⁾.

Доходы прошлаго 1763 года простирались до 16.507,381 рубля; доходы 1764 года увеличились до 21.593,136 рублей. Несмотря на то, что прежнему были въ затрудненіи относительно удовлетворенія государственнымъ нуждамъ. Коммерцъ-Коллегія донесла Сенату, что Академія Художествъ требуетъ изъ определенной для нея годовой суммы въ 20,000 рублей изъ таможенныхъ сборовъ за минувшій январь и февраль мѣсяцы 3,333 рубля 33 коп.; но таможенные сборы отданы были на откупъ на шесть лѣтъ, но нынѣшній 1764 годъ, изъ сложности сбора трехъ лѣтъ съ надачею 170,000 р. въ годъ, а изъ этой суммы велико вносить въ комитету ея императорскаго величества 150,000 рублей да въ Московскій университетъ — 20,000; а по вступленіи таможенныхъ сборовъ въ казну, где и наданной суммы никакой уже неѣтъ, велико помянутые 150,000 по прежнему вносить въ Кабинетъ, и Коммерцъ-Коллегія еще 20,000 на Академію Художествъ отпустить не смѣеть. Сенатъ также не посмѣть разрѣшить, и подать докладъ императрицѣ, которая велика отпустить деньги ⁴⁾. Именнымъ указомъ велико было изъ процентныхъ денегъ коммерческаго банка отпустить 10,400 рублей на каналъ между реками Волховомъ и Сясью, но фельдмаршаль Минихъ донесъ о крайнемъ недостаткѣ денегъ для работы при Балтійскомъ портѣ: каторжные невольники находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи вслѣдствіе невыдачи имъ на нынѣшній годъ никакой одежды и обуви. Минихъ требовалъ на содержаніе невольниковъ годовой суммы 30,751 рубль, да на уплату за подряженные и принятые матеріалы 16,131 рубль, а хотя изъ Адмиралтейской Коллегіи и отпущенено 30,000 рублей, по эти деньги велико употреблять на одно только мольное сооруженіе и самонужнѣшія работы, и потому онъ, Минихъ, на другіе расходы употреблять ихъ смѣlosti не имѣетъ. Сенатъ отвѣчалъ, что изъ отпущенныхъ по именному указу 30,000 рублей теперь употреблять только на самые необходимые расходы, именно — на содержаніе каторжныхъ невольниковъ и приготовленіе для нихъ одежды и обуви; ему, графу Миниху, уже запрещено было впередъ до указа дѣлать подряды, и это запрещеніе теперь подтверждается, и долженъ онъ подать въ Сенатъ вѣдомость, на какіе матеріалы подряды сдѣланы и на какую сумму. Но чрезъ нѣсколько дней тотъ же Минихъ представилъ донесеніе изъ канцеляріи Ладожскаго канала о совершенномъ обветшаніи канала. Сенатъ приказалъ: такъ какъ графъ Минихъ представляетъ единственno на основаніи донесенія канцеляріи канала, безъ собственнаго осмотра, и такъ какъ возобновленіе Ладожскаго канала есть дѣло государственное, очень нужное, — то послать графу Миниху указъ, что Сенатъ рекомендуетъ ему, если здоровье дозволить, Ладожскій каналъ осмотрѣть самому и

¹⁾ Журналы Сената 2 іюня.

²⁾ Журналы Сената 30 іюля.

³⁾ Журналы Сената 12 января.

⁴⁾ Журналы Сената 10 и 26 марта.

подать въ Сенатъ смѣту съ мнѣніемъ. Новгородскій губернаторъ Сиверсъ требовалъ увеличенія штата своей канцелярии: Сенатъ отказалъ. Эта экономія была необходима, ибо въ августѣ Штатъ-Контора потребовала указа объ отпускѣ займообразно изъ присутственныхъ мѣстъ 250,000 рублей и до получения изъ губерній подлежащихъ Штатъ-Конторѣ сборовъ; Сенатъ приказалъ выдать требуемую сумму изъ Экспедиціи передѣла мѣдныхъ денегъ; а въ октябрѣ Сенатъ рѣшилъ доложить императрицѣ, что, за крайнимъ недостаткомъ денегъ въ Штатъ-Конторѣ, слѣдуетъ выдавать пенсію изъ суммы Коллегіи Экономіи, а на пенсию нужно 72,000.

О беспорядкѣ, какой былъ въ Камеръ-Конторѣ, узнаемъ мы изъ ея донесенія Сенату: оставшееся въ Коллегіи послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія другими повытчиками и безъ рѣшенія съ 732 по 753 годъ счеты съ документами во время пожаровъ съ прочими дѣлами счищаны безъ разбору и перекладованы изъ одного мѣста въ другое. Съ 1753 года Коллегія, сколько ни старалась разобрать ихъ и сдѣлать пересмотръ, не могла однако привести въ надлежащей порядокъ, тѣмъ болѣе-что въ книгахъ листы погнили, а иные изодраны, документовъ и выписей болѣею частью нѣть, и впередъ, сколько въ этомъ ни упражняться, трудъ будетъ безполезный.—Рѣшивши подать докладъ, чтобы дѣла эти оставить безъ разбора и, запечатавъ, хранить въ Архивѣ для справокъ, Сенатъ прибавилъ: въ представлениі Камеръ-Коллегіи показано, что счеты остались послѣ умершихъ повытчиковъ безъ принятія ихъ преемниками, которые должны были принять ихъ и немедленно описать ихъ порячно; но этого не было сдѣлано, чтд причитается за крайній непорядокъ бывшимъ тогда присутствующимъ, и хотя нельзя думать, чтобы впередъ могли произойти такія неисправности и упущенія, однако Сенатъ почтаетъ долгомъ своимъ напомнить Камеръ-Коллегіи, чтобы въ храненіи дѣлъ и произведеніи счетовъ въ свое время поступаемо было съ крайнею внимательностью¹⁾). О беспорядкахъ по шталмейстерскому управлению говорить императрица въ письмѣ своемъ къ Елагину: „Иванъ Нерифилевitch! подальше мнѣ Репнинъ чрезъ шталмейстера Парышкина докладъ о ихъ недостаткахъ, прося денегъ. Пожалуй, вникни въ ихъ домостроительство или домостроительство, да притомъ знай, что я вѣдаю отъ штатъ-конторскаго прокурора, что они уже вѣдь 1765 года получили или, лучше сказать, забрали, а я запретила тамо (чего они не знаютъ) имъ болѣе впередъ дать; да сверхъ того Репнинъ всякой день причимаетъ снова всякихъ распудренныхъ дворянчиковъ, которые ничего не смыслятъ, кроме петиметровства“²⁾.

Въ инструкціи князю Вяземскому императрица

говорила: „Великое отягщеніе для народа есть соль и вино на такомъ основаніи, какъ онъ пынѣ находятся. Въ кормчествѣ столько винныхъ, что и наказывать ихъ почти невозможно, посаже дѣлъя превинціи себя опому подвергли, а что пресечь нельзя, нехудо къ тому изыскивать способы къ отправлению и облегченію народному“. 23 марта учреждена была комиссія для разсмотрѣнія государственныхъ соляныхъ и винныхъ сборовъ. Въ инструкціи комиссіи говорилось: „Полагая за главное всему дѣло правило, что виннымъ и солянымъ сборамъ неотмѣнно быть должно, изыскивать вообще такія средства, чтобы оные сборы казнь соблюдены и умножены, а притомъ бы и народу не въ тягость были“³⁾.

Относительно банковъ Сенатъ получилъ два указа императрицы: 1) При учрежденіи государственныхъ банковъ опредѣлено, что и парткулярные люди могутъ свои деньги приносить въ нихъ для отдачи въ ростъ, и потому отъ многихъ, въ томъ числѣ и отъ Воспитательного Дома, нѣсколько и получено. Ея императорское величество, желая у парткулярныхъ людей отнять взятое сомнѣніе и утвердить банковый кредитъ, повелѣваетъ такія приносимыя деньги раздавать особо, не мѣшая съ казеннымъ капиталомъ, и получаемые съ нихъ проценты, равно какъ и самые капиталы, не только никакуа по присыпаемъ указамъ въ расходъ не употреблять, но и въ казнь отнюдь не держать, а раздавать также въ ростъ, присовѣкупляя проценты къ капиталу, или возвращать вкладчикамъ по ихъ желанію, и Воспитательному Дому, и прежде истечения сроковъ возвращать безъ всякой остановки по востребованію; все же сіе тѣлько содержать, что хотя иногда нечаянно и за подписаніемъ ея императорскаго величества присланъ бы указъ въ противность онаго,—не исполнять, а представлять ея императорскому величеству. 2) Такъ какъ многие купцы явились неисправны въ платежѣ своихъ долговъ по коммерческому банку, а нѣкоторые и неадѣжны, то ея императорское величество 4 марта 1764 года повелѣла опому банку быть въ вѣдомствѣ всей Камеръ-Коллегіи, и хотя къ первоначальному капиталу 500,000 и числится нынѣ всей суммы и съ капиталомъ 802,720 рублей, изъ которыхъ не прошли еще нѣкоторые сроки, но просроченныхъ уже явилось болѣе 382 рублей. Изъ такихъ обстоятельствъ банка сего ея императорское величество предусматриваетъ потерю немалаго капитала. Для сихъ причинъ и надзирающе вѣдомствѣ Камеръ-Коллегіи ея императорское величество почтаетъ не за довольно еще средство къ поправленію сего дѣла, потому что при многихъ голосахъ наблюдение канцелярскаго порядка въ употребляемыхъ ко взысканию казенныхъ долговъ средствахъ можетъ пропасти излишнюю потерю времени, а паче всего дѣйствіе по точности указовъ не дозволяетъ имѣть

¹⁾ Журналы Сената 27 апрѣля; 30 іюня; 5, 18 и 19 августа; 19 октября, 2 ноября.

²⁾ Сборн. Русск. Историч. Общ. VII, 404.

³⁾ Пол. Собр. Зак. № 12,105.